

18+

КОД ЛЕГИТИМНОСТИ³
ЭН МОСС

Эн Мосс

Код легитимности. Часть 3

*<https://litres.ru/74281649>
ISBN 9785007007184*

Аннотация

После того, как Квантовый Шёпот перекроил мир, а магия из скрытого феномена стала новой реальностью, из гонимой «иной» Алиса, пережив трагедию и прокляв возлюбленного, становится сначала учёным, а потом «претендентом», и в итоге принимает свою судьбу, пройдя через запутанный лабиринт предательства, жертв и вынужденного, но преображающего союза с Кассианом Каном, который видит в ней ключ к новой астрологической эре.

Содержание

Книга 3	5
Пролог	6
1	8
2	12
3	17
4	22
5	26
6	30
7	34
8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Код легитимности. Часть 3

Эн Мосс

© Эн Мосс, 2026

ISBN 978-5-0070-0718-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-9321-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 3

МАГ и КОРОЛЕВА. Эра Водолея *(Годы действия: 2067—2069)*

Пролог

Измождённая, но, несомненно, привлекательная женщина обращала на себя взгляды всех встретивших её на пароме. Надломленность читалась в её бледном лице, но не сломленность — высокий для женщины рост, гордая посадка головы, осанка и горящие каким-то необычайным серебряным светом темно-серые глаза словно говорили любопытным и нескромным взглядам её случайных попутчиков — это необыкновенная женщина, хотя на долю её выпало много страданий.

После прибытия парома в порт, к воротам за его пределы и дальше в город, выстроилась довольно длинная очередь и, медленно колыхаясь, стала неспешно продвигаться через заградительные конструкции пропускного пункта.

С каждым шагом по пути к выходу эта статная женщина будто оживала, шаги её делались твёрже, усталость словно кто-то стирал ластиком с этого красивого лица, глаза уже не пугали отсутствующим выражением и погружённостью в себя, как на пароме, а глядели вперёд хоть и сурово, но уже осмысленно.

Подойдя к пункту пропуска, она остановилась перед сотрудником пограничной службы, и, как и десятки людей до неё, уже шагнувших за ворота, молча протянула ему серую книжечку метрики.

— Ваше имя и цель приезда на Кипр? — внимательно пролистав документ, пограничник также внимательно рассматривал теперь её.

— Алиса Гераки. Возвращение домой.

Тот перевёл взгляд в книжечку, потом его глаза скользнули правее Алисы и неуловимым изменением выражения словно подали кому-то знак.

Алиса быстро обернулась — и замерла. Прямо на неё, пересекая небольшую площадку накопителя, неотвратимый как сбывающееся пророчество, шёл господин Кан.

Она вскрикнула и попятилась, и бросилась было бежать, но, повернувшись, всем телом угодила в крепкие объятия пограничника, который тут же профессионально скрутил её и обездвижил. Алиса обмякла в его руках, и последнее, что она увидела — открытые рты стоявших рядом людей и холодный цепкий взгляд человека, которого она ненавидела и боялась.

1

Алиса, кружась, поднималась высоко в небо, и, смеясь от затопившего её счастья, кувыркалась в воздухе, паря и играя. Потом внизу она увидела улыбающуюся маму, которая протягивала к ней руки, и в обеих было по зелёной ветке, она приветственно махала ими Алисе с земли. Скользя вниз и все ускоряясь, Алиса устремилась к ней, но вдруг словно потеряла опору воздушных масс под крыльями и начала падать, беспорядочно кувыркаясь. Падение становилось всё хаотичнее, и на Алису уже неслась земля...

Она открыла глаза и села, быстро осматриваясь.

Алиса находилась на кушетке в просторной комнате дозора всё в том же пункте пропуска, из окна были видны мачты, краны и трубы порта Ларнака. Было тихо. Она быстро встала и огляделась. Никого. Сколько она здесь провела времени, непонятно. Она осмотрела себя — одежда в порядке, та же, в которой она прибыла на Кипр. Ничего не болело, синяков не было, и физически чувствовала она себя намного лучше, чем на пароме.

Тут она вспомнила своё прибытие и сжала зубы. Господин Кан. Он снова её нашёл.

В тот июньский день в Софии, когда был застрелен Борислав и молчаливые люди унесли из хранилища его тело, очнувшись от обморока Алиса еще долго просидела в той

мрачной комнате, оставшись одна и не в силах подняться со стула и покинуть Библиотеку. К ней больше никто не подходил, в здании было темно и пусто. И только когда она больше не смогла выносить жажду и сухость в горле, она тихо, так никого и не встретив, вышла наконец на улицу. Было раннее утро. Связавшись с Лоей и рассказав кратко историю о нападении «незнакомцев с серых территорий» и об убийстве Борислава, она просидела в её доме три дня, никуда не выходя и запретив ей кому-либо что-то говорить, если будут спрашивать об Анне или профессоре Марковиче. Потом пришёл Виктор, принёс вести, что никакого переполоха в городе нет и никто никого не ищет, так как профессор Маркович ранее предупреждал о своём скором отъезде в Канадский Кластер. А потом втроём они придумали план, как ей покинуть Софию. Сначала она решила ехать в Милан, там у неё оставались приятели из прошлого, уже создавшие ей когда-то новую личность, и туда можно было легко добраться по железной дороге Почтовым экспрессом через Белград. В Милане она пробудет какое-то время, пока не утихнет неизбежная волна слухов и расследований, связанных с исчезновением знаменитого учёного. И ещё ей нужно узнать, кто она всё-таки такая, а для этого придётся вернуться на Кипр.

И вот она здесь, на родной земле. Где господин Кан словно ждал её. Что ему нужно? И почему её задержали?

В том, что её задержали и она пленница, Алиса не сомневалась. Вся короткая история её взаимодействия с Касси-

аном Каном сопровождалась страхом и принуждением, нашедшими свою кульминацию в том страшном спектакле, где несчастный Борислав поддался на уловку этого монстра...

Алиса не намеревалась дожидаться его очередного появления и уже собралась выскользнуть из этой комнаты, но взгляд её внезапно остановился на серой картонной папке на столе у двери. Дверь была не заперта. Она выглянула — никого, где-то в отдалении были едва слышны голоса и стрёкот пишущей машинки. Постояв ещё немного у стола и прислушиваясь, одновременно косясь на папку, она наконец не выдержала и осторожно, пальцем подцепив уголок, открыла. Сверху лежала старая до-Шёпотная объёмная фотография с узнаваемыми, слишком яркими, цветами той эпохи. Её, Алисина, фотография.

Холодея, она взяла в руки фотографию, на которой уже несуществующая и ещё такая юная Алиса улыбалась в объектив. При небольшом повороте карточки девочка на фото словно оживала и то наклоняла голову, прищуриваясь и улыбаясь, то весело и безмятежно её запрокидывала, беззвучно хохоча. Отложив фото, она перебрала обеими руками бумаги, которые скрывала в себе такая неприметная с виду папка. Копия её метрики с расшифровкой результатов верификации, ещё её фото разных лет, семейные фото с мамой и отцом. У Алисы защипало в носу, и она быстро задышала. Потом, справившись с комом в горле, она перелистнула ещё несколько копий чьих-то метрик и даже паспортов, почти

нечитаемые копии непонятных рукописных документов, наконец вытащила плотный лист, похожий на архивный картон и заполненный с двух сторон, и пальцем провела по длинному и разветвляющемуся списку имён и дат, самой отдалённой которой была — 25 ноября 1454 года.

— Тебя зовут Алисия Гераки-Йатридис, и ты претендент, — неожиданно прозвучало за спиной, и Алиса, вздрогнув, выронила картон, который скользнул по краю стола и спланировал к ногам стоявшего в дверях господина Кана. Алиса отскочила от стола, её взгляд лихорадочно заметался по комнате, но окно было слишком высоко...

Господин Кан холодно смотрел на её метания, потом поднял картон и положил его в папку, и плотно закрыл за собой дверь.

— Претендент? Но при чём здесь я? Я никто, никаких заслуг, никаких свершений...

Господин Кан предостерегающе поднял руку и, чеканя каждое слово, сказал: «Выслушай меня. И слушай внимательно всё, что я тебе сейчас расскажу».

Это прозвучало так весомо и повелительно, что Алиса растерянно оглянулась, увидела довольно крепкую и приличную кушетку, на которой недавно очнулась, прошла к ней и села. Сил сопротивляться не было. Сил не было ни на что, даже стоять.

— Меня зовут Кассиан Кан, как ты уже знаешь. Это моё истинное имя, я киприот. На Кипре уже больше десятилетия существует Движение Возрождения, а итоги нашей деятельности — объединённый остров и обеспечение безопасности и справедливости на нём, в нашей Астралии.

Алиса даже не шелохнулась, услышав знакомое слово, ставшее раздором между ней и Бориславом и запустившее череду чудовищных событий, приведших к его гибели.

Между тем, не обращая внимания на её отсутствующий вид, Кассиан Кан придвинул одиноко стоящее с другой стороны от двери кресло, поставив его напротив кушетки с Алисой, и уселся прямо перед ней.

«Словно допрос», — отметила вяло Алиса, но кто был до-

прашиваемым, а кто — вопрошающим?

Господин Кан, сев в кресло чрезвычайно прямо, опустил руки на подлокотники, и сухо и методично, как будто зачитывая справочник или обвинительное заключение, продолжил:

— «Движение Возрождения» в пятидесятые начало поиски легитимного символа для своей идеи — строительства нового общества на осколках рухнувших государств. И наша надежда обратилась к тем, в ком кровь прошлого встречалась с даром будущего. Потому что мы смогли заметить и осознать этот новый феномен в виде необычного проявления личной силы, не вписывающееся в рамки привычных физических законов, и только в связи с землёй, породившей эту личность. И это явно указывало путь, нужный вектор на построение системы управления этой землёй.

Сама идея зародилась не в голове одного человека. Это были недели и месяцы бурных обсуждений Совета Мудрейших — тех, кто ясно видел вызовы новой эпохи и сумел уловить требования наступившей реальности. Не было какого-то одного лидера, сплотившего нас всех. Это было удивительно, но Совет Мудрейших образовался стихийно, как какой-то единый и сплочённый организм...

Кассиан отвёл свои стальные глаза от неё, взгляд его словно потеплел, будто обратился в укромное и оберегаемое место в прошлом. Глядя в стену над её головой, он продолжил:

— Некоторые из нас были пробудившимися — иными, пе-

режившими гонения и избежавшими гибели. Как и ты, Алисия. Некоторые были талантливыми учёными старой эпохи, утратившими иллюзию незыблемости общепринятого понимания мироустройства, но не сломавшимися. Мы все, каждый из нас, видели, что внезапно изменились как законы мироздания, так и их восприятие выжившим обществом. Мир перевернулся с ног на голову. Старые ориентиры — и магнитные, и социальные, — перестали работать.

После прихода новой ясности Движение Возрождения выработало новые принципы управления. И тогда, на развалинах старого порядка, зародилась мечта об Астралии. Она возникла не на пустом месте. Её идея — возрождение государства, основанного не на грубой силе, а на знании и соответствии, на синтезе уцелевших обрывков науки, астрологических циклов и пробудившейся магии, питаемой принадлежностью к месту...

Монотонный голос, чётко выговаривающий каждое слово, словно гипнотизировал и не давал отвлечься. Алиса слушала словно против своей воли. Кассиан Кан всё говорил:

— Аналитики «Движения», и я в их числе, мы уже давно прочёсывали архивы и базы данных. И ещё в начале пятидесятых нашли несколько человек, выживших, условно подходящих по генеалогии. Но тебя тогда ещё не было в наших списках.

Однажды, тринадцать лет назад, весной пятьдесят четвёртого, я впервые столкнулся с новым и ранее не встречавшим-

ся уровнем силы. Ни один из тех, кого мы уже обнаружили, не мог напрямую влиять на материальный мир или явления природы. И вот, в апреле того года, на Кипре в районе Нео-Хорио я зарегистрировал невероятную по своей силе аномалию. Это была ты, Алисия. И ещё... — господин Кан сделал паузу, обдумывая или вспоминая.

— Ещё до этого было предзнаменование. Тогда это казалось мне каким-то... слишком мистическим, — он даже изобразил нечто наподобие улыбки, но глаза также холодно и внимательно глядели на Алису.

— Это произошло на одном из заседаний Совета, когда мы уже понимали, что процедура выбора или назначения правителя, чьё слово будет решающим в коллективном управлении государством, может столкнуться с противодействием. Все способы возложения и принятия власти полностью перестали работать в новых условиях, многие себя дискредитировали как несостоятельные и даже опасные в этот период хаоса...

Алиса заворожённо слушала. Она словно наблюдала театральный акт, где представление перешло на новый уровень взаимодействий — не между отдельными людьми или коллективами, а между системами намного более масштабными, существующими на иных принципах и оперирующих иными ценностями.

Кассиан Кан продолжал:

— Предзнаменованием было коллективное видение —

будто с неба, почти закрыв его, на нас на всех из двадцати присутствующих на Совете спускалась кругами гигантская птица, с необычайно длинными крыльями и коротким изогнутым клювом. В её когтях был ключ.

Волна мурашек пробежала Алису с макушки до пяток, она словно бы сама увидела эту картину, будто присутствовала тогда на том Совете.

«Сокол...», — произнесла она как зачарованная.

Господин Кан кивнул:

— Да. Это бы сокол. Мы все его видели, и это не было помешательством.

В комнате повисла напряжённая тишина. Кто кого допрашивал? Кто был испытуемым, а кто — экзаменатором?

— Это не было просто видением, — помолчав, продолжил Кассиан Кан. — Потом на стене осталась тень, словно слабый рисунок большой птицы, вытянутой по оси своих мощных крыльев. Я тебе покажу, когда приедем туда. Очень похожая на это, — и тут он, словно фокусник, не сделав ни одного дополнительного движения, протянул Алисе её кулон, потерянный в те страшные дни на Кипре, когда она прощалась с Зои.

Алиса ахнула, прижав к губам пальцы. Потом протянула дрожащую руку ладонью вверх — и в неё легла забытой тяжестью золотистая птичка, со стилизованной надписью «Гераки» на обороте.

В комнате, где находились двое друг напротив друга, разделённые не только небольшим расстоянием комнаты, но и всем пережитым и сказанным, стало сумрачнее. Наступал вечер. А разговор всё продолжался.

— Да, тогда на Совете нам явился знак, символ. Но его одного было мало, мы не могли доверять выбор только одному параметру, к тому же — мистическому. И хотя мистика, как и магия, стали уже обыденным в нашей пост-Шёпотной реальности, но нам нужны были ещё основания. Выбор должен быть основан на нескольких независимых критериях. Так постепенно сложился Код легитимности.

Научный подход ещё оставался основным способом выработки суждений. В Совет входили и учёные, и маги, и астрологи. Нужен был независимый оператор, с широким кругозором и глубокими познаниями в смежных, но всё-таки разных областях, объединённых одним объектом изучения — человеком.

Параллельно нашим поискам мы плотно работали с научным сообществом, которое стихийно сложилось в Софии после коллапса. Мы отыскивали и восстанавливали носители, организовывали симпозиумы, конференции, налаживали связи между Кластерами... Много лет Движение Возрождения нащупывало почву, наводило мосты, искало ответы,

а также готовило общественное мнение. Так мы вышли на профессора Марковича...

Кассиан Кан сделал паузу, испытующе глядя на Алису. Она молчала.

— Его работы были блестящи и авторитетны, его познания в социологии, политологии, астрологии были поистине невероятными. И даже его первая серьёзная самостоятельная работа, нашедшая отклик в научном сообществе, стала для нас указанием.

«Сакральная меритократия...» — прошептала Алиса, с трудом осознавая всю масштабную и почти бесчеловечную неотвратимость произошедших событий.

Господин Кан кивнул.

— Да. Мне и ещё двум моим соратникам поручили начать с ним взаимодействие. Удивительным открытием для меня было то, что лаконичная завершённость и даже гениальность последующих работ профессора Марковича возросла сразу после того, как у него появилась... помощница.

Алиса судорожно вздохнула и сжала кулон крепче в руке.

— Профессор словно обрёл источник силы и вдохновения — в твоём лице, Алисия.

Алиса, закрыв глаза, молчала.

Голос Кассиана проникал ей в уши, словно радиация, и не было от него спасения.

— На Совете было принято решение начать работу с твоим... мужем.

Да, Алиса уловила эту бесстрастную, но словно обвиняющую паузу.

Она медленно и бесславно покраснела. Но нашла в себе силы открыть глаза, и, глядя твёрдо и прямо на господина Кана, сдавленно произнесла:

— Юридически он не был моим мужем, мы не регистрировали брак в Софийском Муниципалитете.

Кассиан кивнул.

Ну конечно, они подняли все документы, все архивы, они накопили всё что можно и на Борислава, и на неё. Она горько усмехнулась. Как же она расстраивалась в первые годы их сожителства!.. А теперь остались одни вопросы — разве это не было первым звончком их раздора? Их с Бориславом разных дорог, разных судеб?

— Позволь спросить, почему?

Безучастно и голосом, лишённым всяких модуляций, Алиса пояснила:

— Мы разговаривали о браке. Но Борислав сказал, что не видит в нём смысла, что это пережитки ушедшей эпохи. Но если у нас с ним получится зачать ребёнка — мы сразу обратимся в Муниципалитет. Как видите, не получилось.

— Ясно, — невозмутимо отозвался Кассиан. — Да, мы узнали об этом практически сразу, как начали с ним совместную работу над проектом Аستراليا. Но он везде представлял тебя как свою жену. Видимо, это придавало некий статус и вашему союзу, и его работам.

Алиса горько усмехнулась.

— Но, начав работу над текстом Конституции и параметрами выбора правителя, он, похоже, не стал как обычно черпать вдохновение в совместной работе с тобой. Стилистика его изложения сильно изменилась.

Алиса кивнула:

— Да, он очень скрывал свою новую работу, даже стал запирается в кабинете, чего раньше никогда не было. И все бумаги по ней стал хранить в Университете.

Кассиан приподнял уголки губ, что, видимо, означало усмешку.

— Профессор Борислав Маркович считал её вершиной своего научного творчества и хотел получить за неё солидное вознаграждение. Он счёл возможным торговаться, угрожая продать работу или некоторые её тезисы, вроде точной даты создания Австралии, противникам Движения Возрождения. Мы пошли ему навстречу, удвоив сумму. Её хватило бы на пять жизней обычной столетней продолжительности, — ни одно слово не поменяло своей нейтральной тональности в речи Кассиана, никакой эмоции не отразилось в этих фразах. Он просто излагал факты.

— Если всё так, как вы говорите, кто тогда те люди, кому Борислав всё-таки решил продать своё творение?

Кассиан внимательно посмотрел на неё. Потом с такой же убийственно-нейтральной интонацией произнёс:

— Своё творение он продал нам, Движению Возрожде-

ния. Нашим врагам он продал тебя, Алисия.

— Я тебе не верю! — вскричала Алиса.

— Ты и не должна верить. Но ты обязана знать. Профессор решил играть сразу за две команды. Получив от нас вознаграждение, действительно впечатляющую сумму, он тут же продал нашим врагам информацию о тебе, Алисия. О том, что наиболее вероятный кандидат — это ты. В его досье на тебя было даже описание шрама на твоей левой груди...

В голове шумело, и Алиса снова закрыла глаза. Не хочет она больше ничего слушать. Это всё какая-то чудовищная ошибка или несчастливая череда странных совпадений, или ужасная ложь. И Борислава уже не спросить, потому что он умер. Погиб. Убит. Её пальцы с силой сжали край кушетки.

— Ты его убил! — Алиса, открыв глаза, с ненавистью посмотрела на своего мучителя.

— Иначе он убил бы тебя.

— Нет! Это ты! Ты подвёл его к этому, ты всё это затеял, ты разрушил его, и меня, и всю нашу жизнь! — Алиса выкрикнула последние слова, и в этот момент оконное стекло треснуло, от центральной трещины лучами побежали мелкие как паутинки линии, потом из центра выпал небольшой осколок, а затем всё стекло лопнуло и со звоном осыпалось вниз. Алиса пришла в себя и исподлобья глянула на господина Кана. Тот сидел всё также прямо и невозмутимо рас-

смастривал окно, зияющее по краям остатками стекла. Потом перевёл свои холодные глаза на Алису и так же размеренно и чётко произнёс:

— Я лишь представитель определённых сил. Инструмент воли, стремящейся к цели.

— То есть цель оправдывает средства? Тебе эти твои силы дали разрешение на зло?

— Зло? Открой наконец свои глаза, Алисия. Твой картограф возомнил себя Богом. Он хотел быть «над», не учитывая уровень ответственности такой позиции. Хотя его интеллект был уникальным, выводы и идеи — действительно блестящими, но он...

— Он был всего лишь человек! — перебила его Алиса, с гневом сжав кулаки.

— Нет, не был, — неожиданно мягко сказал Кассиан. — Тест на человечность он провалил, сначала продав тебя, а потом подняв на тебя пистолет.

Алиса закрыла глаза, прижала к лицу ладони. Как?! Как всё это осознать, примирить, отпустить? Борислав был её жизнью, её спасением и маяком после всех лет безысходности до него. Он учил её законам Вселенной, он показал ей, каким упорядоченным и стройным, каким выверенным и красивым может быть этот мир... Борислав научил её любить без трагедии, без привязки к ответным шагам, без вовлечения плоти и эго. Любящий не предаст...

Она отняла руки от лица. Ссутулившись, опустив плечи,

она глухо произнесла:

— Ты когда-нибудь любил, Кассиан Кан?

Он сидел перед ней, прямой, логичный и неуязвимый, и бесстрастно смотрел на неё. Холод, бесконечный холод... Алиса содрогнулась, и уже на градус ниже своей обычной горячности повторила:

— Встречал ли ты Любовь? Знаешь, что это такое?

Он слегка наклонил голову, будто прислушиваясь, глядя на неё прямо и бесстрастно. Словно на насекомое, подумала Алиса, поёжившись. Но вздёрнула упрямо голову, требуя ответа.

— Любовь... — господин Кан изучающе смотрел на Алису. Они словно противостояли друг другу на уровне глаз. Или опыта. Или души. Наконец он ответил, также ровно и немного сухо:

— Похоже, сейчас ты пытаешься найти опоры в том, что так же ненадёжно, как и нелогично, и чем можно оправдать любую собственную несостоятельность.

Алиса тряхнула головой, не сдаваясь:

— Не про меня речь. Ответь. Ты знаешь, что такое любовь?

Кассиан, всё также прямо глядя на неё, медленно и раздельно произнёс:

— Любовь — это уравнение без решения, где слишком много переменных и нет практической пользы результата вычислений.

Алиса ошеломлённо смотрела на этого ледяного человека, сломавшего её жизнь, убившего её любовь, бездушного исполнителя воли неких «сил».

— Уравнение? — ноздри её дрогнули. — Уравнение?!
Как ты вообще появился на свет без любви, сухое чучело!

Кассиан Кан даже бровью не повёл. После небольшой паузы, рассматривая Алису и словно оценивая её, он сказал:

— Тебе следует научиться контролировать свои... эмоции.

Потом продолжил также размеренно и монотонно, словно зачитывая приговор отсутствующим и уже неживым персонажам:

— Людей и идеи, и даже Дело, губят страсти и инстинкты, Алисия. Это было всегда. В начале 60-х в Движении Возрождения произошёл раскол — часть сторонников отказалась признавать идею обусловленного звёздами выбора правителя. Объявив, что это ведёт к диктатуре жрецов-экспертов из-за того, что источник власти объявлен трансцендентным и не подлежащим земному обсуждению, наши оппоненты в Совете, а теперь враги, решили, что обретение власти должно осуществляться силой, по старому принципу, то есть по воле и прихоти жаждущих её.

Его тонкий рот сложился в жёсткую складку, мрачная морщина легла между бровей. Вид его стал ещё более опасным, чем обычно, и Алиса с испугом рассматривала это безжалостное лицо.

— На тебя охотятся, Алисия. Наши противники благодаря профессору уже знают, что ты наиболее вероятный кан-

дидат на престол. Моим упущением и непозволительной доверчивостью было озвучить сведения об остальных восьми кандидатах на прошлогоднем заседании Совета... На текущий момент семеро из них мертвы.

Впервые за весь долгий рассказ голос Кассиана стал мрачнее и ещё более стальным, насколько это было вообще возможно. Алиса с ужасом смотрела на него.

— Последний находится под защитой одного из моих... друзей, поэтому он пока жив. Твою защиту обеспечу лично я, и мы немедленно отправляемся в Замок Кантара.

— Хватит! — Алиса сжала кулаки. — Никуда я не поеду! Ты несёшь какой-то полумистический бред. Это всё не может быть правдой, и я никакой не кандидат, даже если Борислав считал иначе... Отстаньте от меня все! Дайте мне уже просто дышать, наконец... — она обхватила голову руками, и, согнувшись почти к самому полу, уткнула её в колени.

Кассиан Кан бесстрастно смотрел на неё.

Она продолжала покачиваться из стороны в сторону, скрючившись и зажимая ладонями уши. Потом бессильно уронила руки и подняла голову.

— Как ты оказалась в Библиотеке? — прозвучал неожиданный вопрос. Алиса моргнула, потом с недоумением и прислушиваясь к своей памяти, ответила:

— Я просто шла. За мной кто-то следил, и я решила... Я знаю это здание, там есть несколько выходов. Никакой мистики, никто меня не вёл, если ты об этом, это случайность.

Случайность...

Кассиан кивнул:

— Хорошо. Как ты оказалась здесь? Почему решила вернуться?

Алиса закрыла глаза и помотала головой:

— Я не знаю... Я должна понять, — потом, открыв глаза и повысил голос, она с силой повторила:

— Я должна понять!

Кассиан снова кивнул. Потом наконец встал, прямой и всё такой же собранный, как хищник перед прыжком, подошёл к столу и взял папку, потом открыл дверь, собираясь выйти, и сказал:

— Нам пора. В Замке Кантара ты будешь под защитой.

Она помотала головой.

Кассиан снова прикрыл дверь и подошёл к её кушетке, присел перед ней, подождал немного, пока она наконец не подняла голову и не посмотрела на него, и жёстко сказал:

— Алисия, ты источник силы и надежда на будущее впервые единого Кипра. Но ты также угроза для противодействующих этому единению сил. Угроза, которую необходимо всеми способами устранить. Сейчас ты дезориентирована, растеряна. Это можно понять, и тогда в Софии я дал тебе время. Но теперь ты здесь, и тебе нужно собраться. Время для перемен пришло, и ты — их символ и их проводник. Я обеспечу защиту и сделаю всё возможное, чтобы ты быстро восстановилась и адаптировалась.

Он выпрямился и отошёл, потом отставил кресло к стене, где оно раньше стояло, и снова повернулся к Алисе:

— Работа предстоит большая, на весну следующего года запланирована закладка столицы Астралии и принятие Конституции. Ты должна принять участие в этих мероприятиях, перед этим доработав полное воды и пространных эпитетов, — тут он усмехнулся, — сочинение профессора Марковича. И уже чрез год, на принципах нового Закона, в столице нашего молодого государства, в указанные звёздами время и месте, тебя должны избрать и короновать.

Алиса с ужасом, не веря своим ушам, смотрела на него, на этого бесстрастного, бездушного человека.

— А если я откажусь?

— Ты не сможешь. Ты уже всё про себя знаешь, осталось почувствовать. И пробудить дремлющие в тебе силы. Ты не сможешь жить как прежде, жизнью обычного человека. Ты маг, Алисия, и ты будущая королева Астралии.

Алиса открыла глаза. Снова утро. Может, надо уже наконец встать? Сколько же дней она провела здесь, лёжа на этой широченной кровати, глядя как за окном утро сменяется днём, затем после короткого вечера наступает ночь, и снова всё по кругу?.. Иногда она вставала в уборную, расположенную в конце узкого коридора, протянувшегося за дверью этого большого и неудобного помещения с большой и неудобной кроватью. Её никто не тревожил, предоставив самой себе. Иногда она находила за дверями поднос с едой — какой-то едой, вполне съедобной, видимо. Но Алиса даже не могла вспомнить, что она там жевала перед тем, как снова улечься под сумрачный бархатистый полог и забыться глубоким как кома сном...

Кассиан, видимо, славно поработал над её волей, запугал врагами, желающими её смерти. Отвратительное и бездушное подобие человека, и как Алиса могла ему поверить, как поддалась на эти уловки и позволила привезти её сюда, в этот огромный и полуразрушенный замок? Утверждая, что только в этом неприступном месте он может её защитить, Кассиан Кан не дал ей даже заехать к дяде Иоаннису и провести их ферму, не позволил ей снова увидеть тот утёс в окрестностях Нео-Хорио, где её девочка, подхваченная солёным морским ветром, стала его частью, частью этой древней и неспо-

койной земли.

Они прибыли к полуночи, проведя дорогу в полном молчании. И только выйдя из тяжёлого биомобиля, похожего на броневик со старых картинок, Кассиан сказал ей, указывая на едва виднеющуюся в темноте башню высоко над ними, к которой вела длинная и обманчиво пологая каменная лестница с истёртыми временем ступенями:

— От старого Замка мало что осталось, но в восстановленной части есть всё что нужно, чтобы пережить ближайшую зиму. Никто из Совета Мудрейших о тебе пока не знает. Поэтому противник, зная о тебе, не знает где ты. Замок охраняют несколько моих людей, им я доверяю полностью. Женщин там нет, поэтому, если тебе понадобится что-то особенное, скажи мне. Я буду приезжать время от времени.

В темноте их встретили несколько человек с фонарями, не выразив ни малейшего любопытства по поводу спутницы господина Кана, и, выгрузив из биомобиля тюки и коробки, а также забрав у Алисы её дорожный баул, проводили по длинной и, как показалось уставшей Алисе, бесконечной лестнице ко входу в башню. У неё уже закрывались глаза и подкашивались ноги, и когда Кассиан Кан наконец привёл её к двери и, открыв её, сказал, что здесь она может отдохнуть, она молча взяла протянутый ей фонарь, захлопнула перед ним дверь и, не раздеваясь, рухнула на необъятных размеров кровать.

И вот теперь, когда усталость и морок лживых речей гос-

подина Кана спали с Алисы, она начала наконец сообщать.

Алиса допускала, что она *могла бы быть* «кандидатом», ведь Код легитимности прямо указывал на неё, и она помнила наизусть каждый из параметров, которые выписала из многостраничной работы Борислава. Но мучавший Алису вопрос был в том, кто и зачем внушил Бориславу идеи, которые его усилиями превратились в такую откровенную и явную подтасовку. Кто-то вёл игру — игру опасную, игру в долгую, и пешками в этой игре оказались и Борислав, и она сама. И какую роль во всей этой фантаσμαгории играет господин Кассиан Кан, Алиса так и не смогла понять, но теперь не верила ни единому его слову.

Внезапно за приоткрытым окном у кровати, на которой лежала Алиса, размышляя о своей судьбе и разглядывая высокое синее небо, мелькнула тень, раздался лёгкий шелест крыльев, и на широкий выступ за стеклом села небольшая тёмно-коричневая птица с белым воротником вокруг изящной головы, с круглыми быстрыми глазами и небольшим хищно изогнутым серебристым клювом. Это был сокол.

Алиса медленно привстала и осторожно, стараясь не спугнуть его, приблизилась к окну. Сокол сидел неподвижно, как изваяние, и только ветер шевелил перья на его груди, тонкие и пёстрые, как живая кольчуга. Алиса заворожённо рассматривала это совершенное создание, как вдруг он повернул голову, и его взгляд, таинственный и древний как сама земля Кипра, встретился с её. Странное чувство узнавания,

как почти забытый сон или стёршееся из памяти воспоминание, забрезжило в закоулках сознания Алисы, но тут сокол оттолкнулся от выступа, взмахнув острыми крыльями, и исчез так же внезапно, как и появился.

Всё. С неё довольно! Никто не будет указывать как ей жить, что чувствовать, во что верить. Она сама должна во всём разобраться. Решительно выбравшись из кровати, Алиса отправилась на осмотр территории, прилегающей к её спальне с высоким сводчатым крестообразно потолком, и нашла за уборной ванную комнату с круглой купелью в виде большой чаши с каменными ступенями, с действующим водопроводом и с лежащими на каменных скамьях аккуратно сложенными вещами, словно приготовленными для гости. Алиса потрогала странную плотную ткань серого, слегка серебристого цвета, оказавшуюся невероятно мягкой и лёгкой, не похожей ни на одну виденную раньше. Это оказалось что-то типа женского костюма или пижамы, с широкими длинными брюками и удлинённой рубашкой. Пожалуй, это удобнее той одежды, что была в её дорожном бауле... Набрав воду, оказавшуюся неожиданно тёплой, она разделась и погрузилась в купель, и впервые за долгое время своего длительного странствия Алиса вдруг ощутила, что снова жива.

Обойдя всю территорию, Алиса выяснила, что большая Башня, в которой находились и её «покои», была лишь частью старого полуразрушенного замка, но была отделена от него забетонированными тупиками и заложёнными блоками проёмами, и выход из Башни был только один. В центре Башни находилась каменная винтовая лестница, от которой на разных уровнях расходились лучами четыре коридора с несколькими дверями по каждой его стороне. Некоторые помещения были закрыты, также был перекрыт решёткой выход на последний, пятый уровень. Как Алиса не рассматривала её, так и не смогла понять, как она закрывается: ни замков, ни засовов она не обнаружила. Её покои находились на третьем уровне и занимали самый конец коридора. Во всей Башне Алиса не встретила ни души.

Помимо Башни, которая была явно на столетия моложе самого замка, Алиса беспрепятственно прошла по всей территории крепости, много веков назад сложенной из серого камня словно из горного хребта, на котором она возвышалась, владея горизонтом. Построенный на скалистой вершине, замок действительно был неприступен. Доступ к нему был возможен только с восточной стороны скалы, а её северные, западные и южные склоны круто обрывались вниз, делая подход к крепости невозможным.

На территории тоже оказалось безлюдно, хотя Алиса затылком ощущала лёгкое шевеление волос, словно кто-то наблюдал за ней. Но угрозы Алиса не ощущала, поэтому, спокойно обойдя все закоулки, она решила подняться на самую верхнюю точку крепости.

Стоя на огороженной площадке на самой вершине скалы, приложив ладонь козырьком к глазам, Алиса всматривалась в открывающиеся перед ней виды. Древняя, окружённая морями, земля Кипра лежала перед ней в лёгкой дымке, и Алиса видела лазурные бухты, серые поросшие соснами хребты, все перепады высот и ложбин, окрашенные цветами зелени, земли, огня и воды. Она ноздрями втянула этот плотный и тревожащий запах земли, тысячелетиями не находящей покоя в бесконечной череде междоусобиц и сторонних завоеваний. Сложный и многоголосый, мифический, питающий страстями своих детей, заставляющий их отрекаться от мира и искать ответы, а также убивать ближнего своего, если его ответы были иными, Кипр простирался далеко внизу перед взором Алисы и словно ждал, но чего? Очередной жертвы? Крови Авеля? Прихода мира? Появления истинного Правителя?..

Алиса, простояв на той площадке около часа, направилась к выходу из замка, прошла бесконечное число переходов и ступеней, и наконец вышла к знакомой площадке перед длинной и пологой лестницей, по которой они поднимались в ночь приезда. Взявшись руками за кольца в створках высо-

ких обитых железом ворот, она попыталась было их с усилием открыть, но была вежливо, но непреклонно остановлена внезапно появившимся словно из тени человеком.

— Вам туда не нужно, — бесстрастно сказал ей стражник, крепкий седовласый мужчина с автоматом наперевес и почему-то мечом на поясе.

— Что-о-о?! А ну, пустите меня сейчас же, — она было двинулась на него, но тот даже не шелохнулся.

— Вам не нужно выходить. Снаружи небезопасно.

— Но мне нужно! — Алиса топнула ногой.

— Мы доставим вам всё, что потребуется, — с этими словами стражник снова отошёл в тень и словно растворился в ней, пока Алиса бессильно трясла створки ворот, даже не шелохнувшихся от её усилий.

Ошеломлённая Алиса наконец уверилась в своих подозрениях — она не гостья. Она пленница, заложница этого негодяя или неведомых сил, стоящих за ним.

Что же делать? Алиса вздёрнула подбородок, демонстрируя всем скрывающимся в тени невидимым противникам, что не сломлена, и вернулась в Башню. Ладно, она пока осмотрит то большое и высокое помещение на втором ярусе, в сумраке которого она разглядела высокие стеллажи с книгами и какое-то громоздкое сооружение в центре, накрытое пологом.

Как только Алиса вошла в него, едва освещённое лучами проникающего в окна солнца, откуда-то сбоку раздалось гу-

дение, и над её головой вспыхнули лампы, заливая пространство вокруг ярким и тёплым светом. Отметив знакомый по Софии гул генератора, Алиса осмотрелась. Это действительно было что-то вроде библиотеки, но в полном беспорядке, словно сюда торопливо и не очень бережно, но всё-таки пытаясь хоть как-то создать видимость структуры и системности, свозили все, что сочли подлежащим сохранению.

Алиса прошлась по помещению Библиотеки, как назвала её сразу при входе, и стащила брезентовую тяжёлую ткань с невнятной горы в центре. Это оказался Оптискриптор, раза в два меньше, чем в Софийском скриптории, но такой же сложный и играющий бликами нескольких десятков линз. Рядом в многоярусных кейсах были сгружены кодировочные пластины.

В эркере, образованном тремя высокими окнами, перед центральным из них стоял большой и тяжёлый на вид стол, заставленный коробками, заваленный папками и книгами. Алиса подошла к нему, отметив, что, несмотря на созданный явно недавно хаос, вся мебель и обстановка вокруг были прочными и добротными, и стала рассматривать лежащие на нём книги. История Кипра, старые переводы арабских астрологов, какие-то незнакомые Алисе авторы и названия, и все когда-либо издававшиеся книги Борислава Марковича. В отдельной коробке были сложены его «Сакральная меритократия», «Астрология социальных процессов», её, Алисина, работа по элекции в изрядно потрёпанной оранжевой пап-

ке, ещё несколько папок с копиями каких-то документов, и сверху — та самая рукопись «Проекта Аستراليا» с металлическим старинным зажимом сверху, по которой Алиса делала свои конспекты перед самой трагедией несколько месяцев назад.

Алиса сжала кулаки. Так вот зачем она здесь! Завершить работу её убитого мужа, преемницей наследия которого она хоть и не являлась юридически, но чьи смыслы и каждое предложение книг которого были пропущены Алисой через самую душу.

В один из сумрачных и ветреных октябрьских вечеров она обнаружила господина Кана на втором ярусе в помещении напротив Библиотеки, ранее закрытом. Узкой полоской из-под дверей пробивался неровный свет, и Алиса потянула тяжёлую створку. Это был огромный зал с голыми каменными стенами и горящим камином. По периметру стен на высоте человеческого роста горели несколько то ли факелов, то ли огромных свечей, — взглядевшись, Алиса так и не определила, как они работают. Источники света с непонятным ей принципом горения, давая живой огонь, горели ровно, совершенно не колеблясь, в отличие от мнящегося и жаркого пламени в камине.

Господин Кан стоял перед большой разложенной на столе картой и, сверяясь с каким-то прибором в руках, похожим на тонкую книгу, наносил на карту отметки. Обернувшись и увидев её, он молча кивнул и продолжил свои манипуляции, хотя они не виделись больше двух недель после приезда в замок.

При виде его невозмутимой отстранённости Алиса, вспомнив все предшествующие события, ощутила поднимающуюся изнутри ярость. С силой захлопнув за собой тяжёлую дверь, она сделала два шага, и, пытаясь справиться с гневом, глухо спросила:

— Что я здесь делаю? Что ты здесь делаешь? Ты и твои люди убили единственного человека, который видел в мире смысл! Ради этой вашей утопии, основанной на его теориях! Ты веришь в эту астрологическую чепуху? В то, что моя судьба написана на небе?

Не оборачиваясь, господин Кан спокойно ответил:

— Нет. Я не верю.

Алиса, сжав зубы, ненавидяще смотрела ему в спину и ждала. Он наконец повернулся к ней, и в его глазах не было ни насмешки, ни раздражения, лишь холодная ясность. Внимательно взглянув на неё, Кассиан отложил свой прибор и карандаш и, скрестив руки на груди, произнёс:

— Карты, звезды, аспекты... Это просто древний язык для попытки описать непознанное. Красивая, но устаревшая картография. Борислав был блестящим картографом. Но я не путешественник, я строитель. Мне неважно, во что я верю. Мне важно, что работает. А твой гороскоп, твоя кровь и твоя пробуждающаяся сила, они работают. Они могут объединить людей. Это данный мне инструмент, и я использую его.

— Но я ничего не могу! Я ничего не знаю и не понимаю, — Алиса от отчаяния сжала кулаки и топнула ногой. — Мне всё кажется, что это какой-то нескончаемый сон, а меня принимают за кого-то другого!

— Время иллюзий окончено, Алисия. Твоё происхождение — это установленный факт. Ты единственный легитим-

ный символ, вокруг которого можно сплотить выживших, связавших свою жизнь с этим островом. Народу нужна не просто администрация. Им нужен Правитель. А ты — последняя наследница королевской крови, поэтому в сознании большинства переход к новой форме правления будет более... логичным.

Стоя у стола и не сделав ни шагу навстречу, Кассиан глядел на неё пристальным взглядом, лишённым угрозы, но не оставляющим места возражениям.

— Поэтому ты здесь. И поэтому здесь я.

Отсветы огня в камине плясали по стенам, придавая всему помещению оттенок мрачного и обременённого тайнами подземелья, а самому Кассиану — жутковатый вид бессмертного хранителя этих тайн.

Алиса всматривалась в эту высокую и прямую фигуру, одетую в серебристо-серое одеяние, своей невиданной тканью похожее на её костюм, рассматривала его жёсткое лицо и пугающие своим холодом глаза.

— Если я кандидат, символ, как ты говоришь, что кто же ты?

— Да, Алисия, ты символ. Но одного символа недостаточно, тебе потребуется опора, человек, чья преданность тебе будет абсолютной и неоспоримой.

Алиса горько усмехнулась:

— И этим человеком, я полагаю, станешь ты? Нашли себе новую должность, господин Кан? Главный телохранитель

при короне?

Игнорируя или не заметив её сарказм, Кассиан твёрдо ответил:

— Нет. Телохранителей можно купить или убить. Речь не о должности, Алисия. Речь о союзе. О браке.

Алиса замерла, шокированная его прямоотой, потом помотала головой, пытаясь прийти в себя. Кассиан наконец отошёл от стола и приблизился к ней, остановившись в паре метров. Глядя прямо и пристально, голосом, полным силы и глубины, он сказал ей:

— Этот остров веками истекал кровью из-за распрей. Греки против турок, христиане против мусульман, местные против чужаков. Моя семья, мои предки... — он сделал едва заметную паузу, — их кости перемололи жернова этой вражды. Я отдал всю свою жизнь, чтобы положить этому конец. Не путём нового перемирия, а путём создания чего-то третьего. Австралии.

Он смотрел на неё с такой интенсивностью и говорил с такой неведомой ранее силой, что Алисе стало не по себе.

— Я предан этой земле, Алисия, каждой её пяди. Я предан идее Австралии до конца. И теперь я буду предан тебе. Не как женщине, а как воплощению того, ради чего я жил. Этот брак — не союз сердец. Это слияние двух необходимых компонентов: твоей легитимности и моей... моей безраздельной преданности делу. Это самый прочный фундамент, который мы можем дать новому государству.

Алиса дико смотрела на него. В его тоне не было ни капли человеческого, а его слова звучали как доклад о тактической необходимости. И в этой ледяной, безличной уверенности Алиса слышала нечто более пугающее, чем внезапная страсть или жажда власти.

— Ты... Ты... — Алиса, запинаясь, пыталась высказать то, что бурлило и поднималось яростной массой изнутри, и лишь беспомощно хватала ртом воздух.

Кассиан Кан молча наблюдал за её лицом, потом, не говоря больше ни слова, вернулся к столу и снова погрузился в карту.

Глядя в его спину расширенными глазами, Алиса сделала шаг назад к выходу, потом ещё, и, нащарив ручку двери, неловко боком выскользнула наружу.

Перепрыгивая через две ступени, Алиса взлетела по лестнице к последнему ярусу башни и в гневе стала дёргать решётку. Потом, стукнув по стене кулаком, она сбежала вниз, быстрым шагом пересекла площадку перед Башней и уже медленнее, но всё также пылая негодованием и какими-то сложными чувствами, стала взбираться по разбитым ступеням на дальнюю смотровую площадку, оступаясь в темноте и пытаясь успокоиться.

Тяжело дыша, она остановилась на краю площадки, ухватившись рукой за поручень металлического ограждения, окинула взглядом открывшуюся ей перспективу и замерла. Высоко в тёмном небе над ней и над всем островом огром-

ным неохватным куполом раскинулась Вечность. Миллиарды звёзд плыли в этом далёком и холодном Космосе, светя не людям там, далеко внизу на планете Земля, а словно горя и подавая знаки друг другу, обмениваясь информацией о своих жизнях, смыслах, законах. Посреди небесного купола, мерцая в темноте скоплениями звёзд и сгущаясь туманностями, парил, совершая свой нескончаемый поток словно великая река времени, непостижимый и вечный Млечный Путь.

Алиса, запрокинув голову и затаив дыхание, вслушивалась в эту молчаливую и грандиозную симфонию. Увидела, как мелькнула и погасла упавшая звёздочка. Вот ещё, и ещё, словно скользнули, сорвавшись вниз, искорки вечности. Алиса выдохнула, опустила голову, потом отошла от края площадки и стала осторожно спускаться вниз. Бежать некуда. Да и незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.